

И. Забаев

Основные категории хозяйственной этики современного русского православия*

**Постановка проблемы.
Веберовская традиция и объект исследования**

В конце XX – начале XXI века, в ситуации трансформации российского общества и ускоренной модернизации экономики, одним из сквозных мотивов полемики по поводу направления экономических реформ стала мысль о необходимости учитывать своеобразие исторического опыта страны. В этой связи особое значение придается православной религии, господствовавшей в России на протяжении большей части ее истории и возрождающейся в наши дни как один из самых влиятельных институтов идейной и социальной жизни.

По данным социологических исследований, в современном российском обществе существует значительный проправославный консенсус: “очень хорошее” или просто “хорошее” отношение к православию выражают 94% населения¹, при этом, когда речь заходит о других религиях, соответствующие показатели существенно снижаются. Кроме того, значительная часть россиян, вероятно, воспринимает православие не столько как религию в собственном

* Эмпирическая часть данной работы, связанная с поездкой по монастырям РПЦ в Дальневосточный ФО и Сибирский ФО в 2004 году, была осуществлена при финансовой поддержке Института гражданского анализа.

¹ См.: Каарийнен К., Фурман Д. Религиозность в России в 90-е годы // Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России / под ред. К. Каарийнена и Д. Фурмана. СПб.; М.: Летний сад, 2000. С. 11–16. По данным того же исследования, приверженцами православия в 1999 году считали себя 82% всех русских респондентов, а верующими – 42%. Людей, общающихся со священниками РПЦ, принимающих церковные таинства или регулярно (не реже раза в месяц) посещающих храмы, исследователи насчитывают от 2 до 7% от всего российского населения.

смысле слова, “сколько как символ русского своеобразия и некоей духовной ценности этого своеобразия, как что-то, что может быть с гордостью противопоставлено другим и ценность чего эти другие тоже в какой-то мере признают”².

Таким образом, положение Русской православной церкви в принципе позволяет ей оказывать существенное влияние на действия россиян и, в частности, на их хозяйственную деятельность. Но оказывает ли она такое влияние, и если оказывает, то в *каком направлении* оно осуществляется? Пользуясь терминологией Макса Вебера, мы можем сформулировать этот вопрос следующим образом: существуют ли такие категории осмысления хозяйства и места человека в хозяйственном “космосе”, специфичные для православных “*религиозных виртуозов*”, которыми действительно руководствуются в *конкретных хозяйственных ситуациях* остальные верующие (“религиозная масса”), и если существуют, то каковы эти категории³.

Как известно, в статьях 1904–1905 годов, составивших книгу “Протестантская этика и дух капитализма”, М. Вебер попытался показать, как протестантизм определенного толка мог содействовать становлению капитализма. Он доказывал, что одним из факторов формирования особого типа рационального западного капитализма являлась протестантская этика, привнесшая в повседневный мир европейца нового времени элемент рациональности и жестко упорядочившая его (европейца) повседневное времяпрепровождение.

Причем становление капитализма, как показывал Вебер, происходило не под воздействием каких-либо *экономических* доктрин протестантизма, а за счет привнесения определенными “религиозными виртуозами” в каждодневный мир протестанта новых концепций (призвания и успеха как знака Божьего благоволения) и вытекающих из них практик, и наоборот – упразднения других концепций и практик (исповеди, причастия и др.). Таким образом, успех в хозяйстве стал средством *спасения* протестанта. Тем самым Вебер показал, как внутримирской порядок оказался по-новому соотнесен с предельными религиозными ценностями. Именно эта связка “мира” и “неба” в протестантизме, а не рекомендации пасторов по специфическим экономическим проблемам, обеспечила мощнейшее изменение “мира” адептами нового религиозного учения. Уже установившись, новый порядок жизни (западный капитализм) включил в себя многие другие сферы и других людей. Получив же значительное распространение, он оторвался от своих религиозных корней и замкнулся в “самодостаточный экономический космос”⁴.

Практически сразу же после выхода в Германии статьи М. Вебера стали известны и в России, переживавшей тогда бурный рост, с одной стороны, и мощнейшую атаку марксизма – с другой. Сожалея, что в полемике по экономическому вопросу против марксистов он не может воспользоваться результатами исследований хозяйственной ценности православия, Сергей Булгаков выдвигает

² См.: Каарийнен К., Фурман Д. Религиозность в России в 90-е годы. Цит. соч. С. 16.

³ Необходимо заметить, что в данной работе мы придерживаемся совершенно определенного подхода, в рамках которого исследуется влияние религии на экономику через конфессиональную этику. Иные механизмы воздействия религии на экономику здесь не рассматриваются.

⁴ См. [Вебер. 1990. С. 44–273].

нул тезис о безусловной необходимости изучения его экономической этики и потенциала влияния православия на развитие хозяйства в России. В ряде статей сборника “Два града” (“Народное хозяйство и религиозная личность”, “Героизм и подвижничество” – с одной стороны, и “Первохристианство и новейший социализм”, “Апокалиптика и социализм” – с другой) С. Булгаков кратко осветил некоторые аспекты проблемы. Впрочем, собственно *научных* работ о православии у него немного⁵. У о. Сергия была другая задача – не изучить православие и православное хозяйствование, но, скорее, оправдать хозяйственную деятельность для православной церкви и, таким образом, найти новый мотивационный импульс для отечественной экономики [Булгаков. 1993, 1994, 1997].

Довольно продолжительное время С. Булгаков оставался практически единственным, кто разбирал тему православной этики хозяйства. По понятным причинам в советский период исследования этой проблемы не получили распространения. Только в 80-е годы XX столетия появились некоторые работы идеологически-критического характера [Красников. 1981; Копаница. 1988]⁶.

На сегодня в научных работах, посвященных хозяйственной этике русского православия, при большом общем разнообразии взглядов на проблему, существует выраженная доминирующая позиция, описывающая эту этику следующим образом.

1. В православии сложился особый тип хозяйственной этики. Существует набор инвариантных этических идей – по крайней мере, о значимых различиях внутри православной этики авторы не пишут [Элбакян, Медведко. 2001]. Эти идеи группируются вокруг категорий “любовь к ближнему”, “социальное опрощение” (в том числе любовь к бедности), “хождение перед Богом”, “безвозмездный труд”, “сочетание труда и молитвы”.

2. Монашество как центр православия несло высокие идеалы. Миряне не могли жить так же, как монахи, поэтому православная этика в миру не закрепились [Коваль. 1994; Шкаратан, Карачаровский. 2002].

3. Православие обращено к иному миру и не дает указаний, как действовать в этом мире [Коваль. 1994; Зарубина. 2001; Фальцман. 2000].

Однако существует и другой корпус литературы, в основном посвященной хозяйственной *практике* православных акторов. В этих текстах рассматриваются практики и хозяйственные ситуации, которые не вытекают из этики, описанной авторами, защищающими первую позицию. Большинство подобных

Одним из факторов формирования особого типа рационального западного капитализма являлась протестантская этика, привнесшая в повседневный мир европейца нового времени элемент рациональности и жестко упорядочившая его (европейца) повседневное времяпрепровождение

⁵ К научным текстам, в которых затрагивается разбираемая нами тема, относится в первую очередь сборник “Два града. Исследования о природе общественных идеалов” (1911); также следует упомянуть крупные богословско-философские трактаты “Философия хозяйства” (1912) и “Свет невечерний” (1917), в которых делается попытка разработки позитивного православного учения о хозяйстве (в “Свете невечернем” – не только о хозяйстве).

⁶ Тема поднимается вновь после распада Советского Союза и свертывания коммунистической идеологии. Выходит довольно много статей, посвященных проблемам православной этики.

работ принадлежит историкам советского периода. Основные контртезисы, которые можно сформулировать на основе этих текстов, таковы.

1. Православие имело посястороннюю ориентацию, и множество православных акторов успешно хозяйствовали. Хозяйствовали как монахи (обычно приводится в пример Иосиф Волоцкий), так и миряне (чаще других обсуждаются купцы и крепкие крестьяне, иногда – община) [Зимин. 1977; Холодков. 1993].

2. Монашество не несло высоких идеалов. А если и несло (о чем нам ничего не известно), то не действовало в соответствии с ними [Будовниц. 1966; Савич. 1929; Ключевский. 1993; Зимин. 1977]. Описываются эксплуатация крестьян монастырями [Зимин. 1977; Савич. 1929], практика вкладов в монастыри [Милотин. 1862; Ключевский. 1993], конкуренция основателей монастырей за место для монастыря [Будовниц. 1966], концентрация богатств в монастырях [Зимин. 1977; Ростиславов. 1866] и при этом отсутствие соразмерной благотворительной деятельности [Зырянов. 2001], обрядово-магические действия православных мирян применительно к хозяйственным практикам (без специфического религиозного содержания), вроде молебнов о дожде, выноса икон на посев и т. д. [Носова. 1975].

Иными словами, можно зафиксировать ряд противоречий следующего рода. Как могла треть земель страны принадлежать монастырям, которые *практиковали* нестяжательство? Как мог монах – будущий настоятель – выгонять с определенного места уже обосновавшегося там ранее отшельника, если *практиковал* любовь к ближнему? О каком социальном опрощении идет речь, если архиереи (то есть монахи) содержали огромные дворы, свиты, конюшни и т. д.?

Анализ таких противоречий и в целом изучение соотношенности этических норм и хозяйственных практик осложняется тем, что едва ли не все предыдущие (фактически – постсоветские) работы, касающиеся собственно *этики православия*, выполнены в основном на базе анализа *житий святых* или ряда *второстепенных источников*. В качестве последних, как правило, используются аналитические построения русских религиозных философов, в основном – С. Булгакова, Г. Федотова и Н. Бердяева⁷. Что же касается конкретно-эмпирических исследований, то практически все они, во-первых, выполнены историками и, во-вторых, не касаются проблем этики. Предметом их интереса являлись или борьба крестьян с монастырями, или состояние хозяйства какой-либо православной организации (например, вотчины монастыря), или какая-то другая проблема.

⁷ И то, и другое – ценный материал, но по поводу использования житий как исторического источника или источника по проблемам этики существует некоторый объем критических исследований. Эти исследования, как правило, не принимаются во внимание учеными, занимающимися вопросами хозяйственной этики православия. (Более того, мы не можем указать ни одного современного исследования, в котором была бы проанализирована значительная часть корпуса житий святых, – как, например, это было сделано в свое время В. Ключевским, А. Кадлубовским, А. Савичем или И. Будовницем. Но без проблематизации их выводов любые описания житий выглядят сомнительно.) Что же касается русских религиозных философов, то никто из них не ставил перед собой задачу *конкретно-эмпирического* исследования православной *хозяйственной* этики. Поэтому не очень понятно, как использовать их построения в социологическом исследовании. Хотя, бесспорно, в работах С. Булгакова и В. Розанова мы можем найти ценные подходы к постановке проблемы, а работа Г. Федотова “Русское религиозное сознание” до сих пор является одной из основных по проблеме православной религиозности в Древней Руси и позднее.

Это, с одной стороны, затруднило использование выводов более ранних исследований, с другой – сделало необходимым конкретно-эмпирическое изучение проблемы православной этики хозяйства.

Отдельной – но столь же необходимой – задачей нашего исследования являлось выделение сугубо идеологической составляющей православного дискурса о хозяйстве, без чего невозможно выяснить, какие идеи действительно руководят хозяйственной практикой (хотя бы религиозных акторов), а какие используются только в качестве идеологических тезисов. Хозяйственная идеология православия анализировалась на базе трех групп текстов: доктрины (в сравнении с католическими), пастырская литература, интервью со священниками и монашествующими. В силу ограниченного объема статьи мы можем привести здесь результаты этого анализа лишь тезисообразно. Основное содержание православной *идеологии* в части смысла хозяйства описывается следующими идеями. *Идея самообеспечения*. Суть ее состоит в том, что хозяйство оправданно тогда, когда оно обеспечивает выживание субъекта. *Тезис о любви к ближним*. Основная максима состоит в том, что нравственно оправданной целью хозяйства может быть помощь ближнему. *Идея нравственного совершенствования*. Согласно этой идее, “труд” является помощником “молитвы” – труд смиряет плоть для того, чтобы она не мешала молитве.

Общую цель нашего исследования можно сформулировать следующим образом: *выяснение современной хозяйственной этики православия, актуализирующейся в хозяйственной практике православных акторов*⁸. Говоря о современности, мы подразумеваем использование материала, датированного 1990–2004 годами, и коммуникацию с сегодняшними носителями традиции. По необходимости мы будем привлекать источники, на которые ссылаются православные акторы, и тексты рассматриваемого нами периода. Для того чтобы конкретизировать цель и сформулировать задачи исследования, необходимо представить основные понятия, использованные нами в данной работе.

* * *

В трудах Вебера, посвященных сотериологическим религиям, основной вопрос этики (соответственно этике этих религий) трансформируется в следующие вопросы: 1) вопрос о принципиальном благе и принципиальной возможности его достижения (категория предопределения); 2) вопрос о конкретной форме человеческого действия, способствующего достижению принципиального блага (категория призвания).

То есть для христианства основной вопрос этики – как посредством человеческого действия достичь принципиального блага – трансформируется в следующие вопросы. Что нужно делать человеку, чтобы спастись? Зависит

⁸ При этом нужно, помимо прочего, ответить на вопрос, является ли актуализированная в практике православная этика однородной. Другими словами, различается ли хозяйственная этика монахов и мирян только по силе выраженности определенных (но одинаковых) компонентов – или этика мирян имеет принципиально иные мотивацию и выражение (принципиально иной набор составляющих), нежели этика монахов?

ли вообще его спасение от его действий? И если зависит, то какова доля человеческого действия в соделывании своего спасения (в сопоставлении с действием Бога)? В разных христианских конфессиях эта степень, а также формы участия человека в деле своего спасения были различными, поэтому для социоло-

Для христианства основной вопрос этики – как посредством человеческого действия достичь принципиального блага – трансформируется в следующие вопросы: что нужно делать человеку, чтобы спастись? Зависит ли вообще его спасение от его действий?

гической разработки вопроса о православной этике хозяйства мы должны прояснить следующее: актуализируется ли вообще проблема соотношения человеческой и Божьей воли (и в каком виде) в хозяйственной практике православных акторов? Какова форма действия, позволяющая православному актору достичь спасения (и в каких категориях это описывается самими акторами)? Наконец, вопрос, относящийся напрямую к хозяйственной этике православия, состоит в том, чтобы выяснить, как ответы православных акторов на два предыдущих вопроса связаны с их хозяйственными практиками, проявляются в них.

Указанные три вопроса составили канву проведенного исследования.

В работе делается попытка выделить основные этические категории, с помощью которых православные акторы осуществляют коммуникацию по поводу хозяйственной практики и рефлектируют собственные действия в тех или иных ситуациях⁹.

Несколько упрощая задачу исследования, в качестве эмпирического референта русского православия¹⁰ мы выбираем представителей, структуру и литературу Русской православной церкви – только в силу большей многочисленности ее представителей на территории России¹¹.

Для того чтобы обнаружить и сформулировать суть православной хозяйственной этики, актуализированной в практике, необходимо наблюдать право-

⁹ Необходимо сделать одно замечание касательно стратегии исследования, связанного с понятием этики. Стратегия подобного исследования не может строиться “последовательно-дедуктивистски”: сначала анализ догмата, затем анализ того, какое выражение те или иные догматические постулаты находят в пастырской литературе, наконец выявление места этих догматов в хозяйственной практике религиозных акторов. Такая логика не оправдывает себя из-за наличия довольно большого количества догматических идей и еще большего количества догматических нюансов в той или иной конфессии. Невозможно заранее предположить, какие фрагменты догматики будут актуализированы в практике. Как следствие, существует большой риск или (1) взять “не те” фрагменты догмата и в результате обнаружить их отсутствие в практике, или (2) произвести ряд аналитических подмен, волонтаристски сопоставляя и сводя друг к другу догмат и практику. Поэтому в ходе своего исследования мы шли в обратном направлении – от практики к этике и догматическим идеям.

¹⁰ “Сегодня основное значение слова “православие” – это имя семьи христианских автокефальных Церквей (преимущественно восточных), находящихся в общении с Константинопольским (Вселенским) Патриархом... В более широком смысле (в западных языках, например) так называют Церкви, отделившиеся в V–VI вв. (нехалкидонские, древние восточные Церкви)” [Федоров. 2001. С. 15].

¹¹ Даже исключая старообрядцев, духоборов и армянскую апостольскую церковь, к православию в России можно отнести, например: катакомбные церкви (Истинно-православная церковь и Церковь истинно-православных христиан), российскую православную церковь за границей, российскую православную автономную церковь, русскую православную церковь в изгнании, российскую апостольскую православную церковь, российскую православную соборную церковь, православную церковь возрождения, российскую православную католическую церковь и другие (Подробнее см. [Современная религиозная... Т. 1]).

славных хозяйственных акторов, а лучше – жизнь общины. В силу трудности идентификации того или иного актора как носителя этических идей, принадлежащих именно православному корпусу, мы выбрали объектом исследования православные общины, которые связаны с хозяйством и управляются “точно православными”. Наиболее распространенной формой подобной общины является община монастыря. Для нас это особенно удачная форма, поскольку монастырь в православии является не только нравственным ядром, а монахи – не только идеалом нравственности (вспомним распространенное в русском православии: “ангелы – свет монахам, монахи – свет мирянам”). Монахам в русском православии – в отличие, например, от католичества, принадлежит еще и управление церковью: епископом может быть только монах – в отличие, например, от католичества¹². Таким образом, первым объектом исследования для нас стали монашеско-послушнически-труднические общины монастырей РПЦ.

Обследованы сообщества 8 монастырей. Названия монастырей, населенный пункт, в котором или около которого они расположены, субъект Федерации и епархия, в которых находится монастырь, представлены в *таблице 1*.

В указанных монастырях проведено в общей сложности 41 неформализованное интервью.

Табл. 1. Список обследованных монастырей ❖

	Епархия	Монастырь	Регион и населенный пункт, где находится монастырь
<i>Пилотажные обследования</i>			
1	Архангельская	Спасо-Преображенский ставропигиальный мужской монастырь	Архангельская обл., о. Соловецкий, пос. Соловецкий
2	Курская	Курская Коренная Рождество-Богородичная пустынь	Курская обл., Золотухинский р-н, пос. Местечко Свобода
<i>Основной этап исследования</i>			
1	Южносахалинская	Свято-Покровский мужской монастырь	Сахалинская обл., г. Корсаков
2	Владивостокская и Приморская	Свято-Троицкий Николаевский мужской монастырь	Приморский край, пос. Горные ключи
3	Красноярская и Енисейская	Енисейский Спасо-Преображенский мужской монастырь	Красноярский край, г. Енисейск
4	Читинская и Забайкальская	Спасо-Преображенский мужской монастырь	Республика Бурятия, Прибайкальский р-н, с. Посольское
5	Тобольская и Тюменская	Свято-Троицкий мужской монастырь	г. Тюмень
6	Барнаульская и Алтайская	Богородице-Казанский мужской монастырь	Алтайский край, Усть-Пристанский р-н, с. Коробейниково

❖ Помимо описанных 8 существующих монастырей планировалось посещение еще одного монастыря в Алтайском крае, в г. Алейске. Однако монастырь прекратил свое существование – был ликвидирован из-за того, что братья монастыря “пили и наркоманили” (по словам местных жителей).

¹² На указанную черту православия как на засилье монахов очень “жаловался”, например, Д. Ростиславов в своем труде “О православном белом и черном духовенстве в России”, посвященном вопросам церковной жизни в целом и церковному образованию в частности (см., напр.: [Ростиславов. 1866]).

Рис. 1. Территориальное представление социальной сети общины православного монастыря (с. Посольское, Республика Бурятия)

На рис. 1 на примере одного из монастырей показано, откуда прибывают “участники” монастырской общины (территориальный разрез).

Также в своем исследовании мы работали с православными текстами – как специально посвященными хозяйственным проблемам, так и освещающими общие вопросы православия.

Основные категории хозяйственной этики православия, актуализирующиеся в практике современных монастырских общин РПЦ

Вопрос о принципиальном благе и принципиальной возможности его достижения. Понятие о Божьей воле (проблема свободы человеческой воли и автономности человеческой деятельности)

Обратимся к первой составляющей понятия “этики” – к вопросу о принципиальном благе в православии. Напомним еще раз, что наш подход не предполагает его теологической проработки. Наша задача состоит в том, чтобы обнаружить в эмпирии, возникает ли подобный вопрос у религиозных акторов, и если да, то какой ответ они на него дают.

Также напомним, что нас интересует именно *хозяйственная* этика, поэтому мы не спрашивали о принципиальном благе – о православных ценностях как таковых. Мы спрашивали, как следует конкретному актору (наблюдателю) вести себя в конкретной ситуации. И уже по полученным ответам выясняли актуализирующиеся в реальной хозяйственной практике категории православной этики – категории, которыми описывается ответ на вопрос о соотношении

веры и человеческого действия, Божьего и человеческого действия, Божьей и человеческой воли. Так что наши построения заведомо не претендуют на полноту описания.

В православной догматике вопросы о Божьей воле и Божьем промысле разработаны (см., например: [Страгородский. 1898; Макарий (Булгаков). 1857]), но нам было важно пойти от эмпирии, чтобы не привнести в нее тех смыслов, которые религиозные акторы сами не предполагают в своем действии. В этом отношении мы не следуем строго тому методу, которым пользовался Вебер в своей “Протестантской этике...”, разбирая сначала догмат, затем этику и при этом игнорируя практику. Даже не столько хозяйственную практику протестантов, сколько пастырскую практику в вопросах вероучения [Maskinon. 1988]. В известном смысле Вебер разбирал этику, существовавшую в документах, а не этику, существовавшую в практике (критику этого способа см.: [Robertson. 1933]).

Так или иначе, именно вопрос о толковании Божьей воли, а вернее, изначального решения о человеческой судьбе, по мнению М. Вебера, вызвав значительные сложности как у рядовых протестантов, так и у протестантских богословов, в конечном счете дал импульс к формированию специфического хозяйственного этоса. Ибо категория призвания / профессии и жизненного успеха, согласно Веберу, и была ответом на вопрос, как же узнать Божье решение о тебе.

В связи с этим, когда при осуществлении тех или иных хозяйственных действий насельники монастыря как бы вскользь, но с завидным постоянством употребляли слова “по воле Божьей”, “на то нет воли Божьей” и т. д., мы (поначалу, правда, не придав им значения) решили изучить данный вопрос. Приведем несколько примеров употребления этой категории в спорах по поводу тех или иных хозяйственных вопросов.

⇒ Пример 1

“Я и еще один монах (о. Наум – 33 года) разбирали несколько комнат бывшего помещения клуба от всякого мусора. Пока мы этим занимались, я нашел ласты, оставшиеся от прошлых хозяев помещения. И говорю Науму: “Давай их выкинем” (нам надо было убирать комнату). Мне было ясно, что ласты в монастыре вряд ли кому-то пригодятся. На что Наум мне отвечает:

– Не надо это выкидывать. Эта вещь попала сюда по воле Божьей. И уйдет тоже. Мы не можем ее выкидывать.

– Ну и что? – говорю я. – Пусть тогда гниет здесь и тухнет?

– Она не гниет, – отвечает Наум. – Когда сгниет, тогда и выкинем, а пока пусть лежит” (из дневника автора).

⇒ Пример 2

Описание ситуации.

“Утром, провозжая меня (мельком, по-монашески, холодно и сухо), Исая отдал мне 520 рублей или около того – несколькими бумажками – на дорогу. И я почти уверен, что он видел в этом волю Божию.”¹³

¹³ За неделю до моего появления в монастыре из него сбежал один из послушников, забрав с собой из лавки серебряных крестиков на сумму около 1000 долларов. Крестики были взяты монастырем на реализацию в епархии, и теперь на нем висел этот долг, и как его окупать – было непонятно. Поэтому в монастыре царил жесткая экономия. Например, на рыбзаводе брали рыбные головы, с них срезали остатки мяса – это шло ко второму, а из “совсем голов” варили первое.

В четверг он вынужден был нарушить правило – его попросили причастить раковую больную, просили в соборе в Н-ске. Но мы как раз туда заехали, и священник в соборе попросил Исаяю (по-видимому, по правилу священник из собора должен был сам причащать). Больная уже умирала, она была без сознания и глотать не могла, чтобы частичка прошла, пришлось заливать водой. Исаяя взял на себя этот грех и, зная его строгое отношение к обряду, уверен, для него это был не простой выбор – он нарушил правило. Ситуация была экстраординарная.

За причастие ему пожертвовали, как он сказал, сумму денег – по-видимому, около 1000 рублей. И он не знал, как ее правильно потратить. Он купил арбуз, дыню, кваса из бочки и привез в общину (видимо, такое случилось нечасто). Но от этой суммы остался остаток, и видимо, перед Исаяей продолжала стоять проблема – как это правильно потратить. Он и отдал их мне. Денег мне хватило, чтобы добраться до города на машине (иначе я не успевал)¹⁴” (из дневника автора).

Толкование действий наместника автором через сутки после произошедшей ситуации.

“Как-то странно получилось с этими деньгами. Зачем он их отдал? Накануне вечером он уже подарил подарков. Весь день показывал город. Вроде уже отблагодарил с избытком. Зачем же? Формально и неформально он уже ничего был не должен. Вероятно, это их отношение к странникам... Наверно, опять воля Божья. Всю неделю – одно и то же. Как чего куда непонятно – так воля Божья” (из дневника автора).

⇒ Пример 3

“– Столько всего сделано, что никогда не спасись. Как Бог даст...

– На все воля Божья: разбойник на кресте покался, а вся жизнь до того – разбойничья. А можно всю жизнь праведно прожить, а в конце наделать такого...” (из дневника автора: разговор двух трудников в комнате).

Две первые приведенные ситуации, квалифицируемые как хозяйственные, являются в каком-то смысле типическими для использования православными акторами категории “Божья воля” применительно к хозяйству. В обоих случаях налицо некоторая необычная для сложившегося порядка жизни ситуация, в которой не с кем посоветоваться и, как следствие, присутствует некоторое затруднение, проблема.

Можно сказать, что данную категорию используют скорее для отказа от действия. Мы практически ни разу не слышали, чтобы тот или иной актер с уверенностью говорил: “Такова воля Божья”. Обычное употребление скорее указывает на негативно-запретительные коннотации: “Нет на то воли Божьей”. Однако у священников православия (может, и не только православия) распространена практика апеллирования – поиска Божьей воли. Православный человек видит в появлении вещей, денег и т. д. проявление Божьей воли. И он должен понять, в чем она заключается, – и затем правильно распоря-

¹⁴ Сейчас нельзя точно утверждать, использовал ли Исаяя сам в тот момент слова “такова воля Божья”, – тогда такой записи в дневнике сделано не было. Но важнее другое – он мог сказать их. И вряд ли мог сказать что-то иное.

даться данным. Но как же выяснить, в чем состоит воля Божья? Производить толкование только из данных наблюдения в данном случае, в силу тонкостей конфессиональной догматики, опасно. Поэтому обратимся к православной литературе, посвященной этому вопросу.

На русском языке мы знаем только два более или менее распространенных сочинения, специально посвященных вопросу о воле Божьей, ее толковании и согласовании с ней человеческого действия. Оба они принадлежат одному автору – свт. Иоанну Максимовичу¹⁵. Таковы “Илиотропион, или Сообразование человеческой воли с Божественной” (Чернигов, 1714 год) и “Промысл Божий”¹⁶.

Если обратиться к той главе “Илиотропиона”, где описывается, как православный человек может узнать Божью волю, то можно зафиксировать следующие способы ее распознавания и модели действия в ситуации неопределенности.

1) 10 заповедей и Евангелие (но толковать их самому не всегда просто).

Автор “Илиотропиона” пишет:

“Воля Божья вразумительно и определенно изъясняется для нас законом Божиим и Церковными постановлениями. А потому мы должны при встретившемся нам каком-либо сомнении изыскивать: чего заповеди Божии и Церковные предания требуют от нас, и не только то, чего они требуют, но и то обдумать, что соответствует им [хотя точно и не определено] и сходно с их духом.

Благая [праведная] воля Божья заключается в десятословии [десять заповедей Божьих]; **Богоугодная** – в Евангельских советах; **совершенная** – требующая, чтобы все, заповеданное Богом, приводилось в исполнение нами на земле так же, как оно исполняется Ангелами на небеси” [Илиотропион. 2001. С. 54–72].

2) Помощь более духовно опытных и благочестивых – в первую очередь это, конечно, представители церкви (но также и носители всякой иной власти).

Обращение к духовно более опытным людям реально оказывается одной из самых понятных и конкретных рекомендаций для действия. Как мы увидим далее, именно она имела довольно большое значение для православной практики, в том числе хозяйственной. Не в том смысле, что все прочитали именно эту часть книги, а в том, что способы действия православных акторов соответствуют данной максиме. Итак, вот что пишет Максимович.

¹⁵ Хотя, конечно, появляется эта тема уже у отцов церкви. Например, у Иоанна Дамаскина (VIII век) читаем: “Промысл Божий есть воля Божия, по которой все целесообразным образом управляется” [Иоанн Дамаскин, кн. 2, гл. XXIX]. “Промысл Божий есть попечение Бога о том, что существует” [Иоанн Дамаскин, кн. 2, гл. XXIX].

¹⁶ Скажем еще, что “Илиотропион” был на полке небольшой кабинетной библиотеки в кабинете наместника того монастыря, где были произведены описанные выше наблюдения.

“Для уразумения воли Божьей в каком-либо данном сомнительном случае есть и другие источники. Сверх упомянутых выше заповедей Божьих и церковных установлений [узаконений] сюда относятся законно избранные, истинно по-христиански живущие объяснители нам воли Божьей в наших недоразумениях о ней [например, духовники, пастыри]. Это – духовные и мирские судьи нашей совести, к ним относятся из мирян родители, училищные наставники, воспитатели и все законно поставленные истинные правители человеческих обществ” [Илиотропион. 2001. С. 54–72].

3) Смирение и отказ от собственного пожелания и воли.

Продолжением только что приведенного фрагмента может являться и указание быть готовым предать себя всецело в волю Божью.

“Познанию воли Божественной весьма много способствует молитвенное обращение святого Павла к Богу с вопрошением: “Господи! что повелишь мне делать?” (Деян. 9:6) Христос Богочеловек, по совершении в третий раз молитвы в саду Гефсиманском об отклонении от Него смертной чаши, совершенно предав Себя в волю Отца Небесного, спокойно сказал ученикам Своим, отягощенным сном: *“встаньте пойдем: вот приблизился предающий Меня”* (Матф. 26:44–46). И так часто бывает, что не услышанная молитва приносит успокоение ума и сердца, откуда и можем узнать волю Божию, что не в исполнении просимого нами, но во всецелом предании себя в волю Божию относительно испрашиваемого предмета открывается благоволение Божье” [Илиотропион. 2001. С. 54–72].

4) Знаки.

Далее И. Максимович пишет о знаках, через которые можно истолковать волю Божью.

“Часто Бог волю Свою обнаруживает посредством сокровенных (таинственных) знаков, которыми следует руководствоваться и верить им тогда только, если из указываемого ими деяния вытекает, как его последствие – Слава Единого Бога. Далее говорит святой апостол Павел: «Пророчества не унижайте» – то есть: толкования Божественного писания и поучений,

предлагаемых в церквах, а также пророческих постановлений умных и благочестивых людей нельзя никогда презирать тому, кто желает согласовать свою волю с Божественной волей. А кто не желает слушать всего, указанного выше, тот явно не хочет уразуметь воли Божьей” [Илиотропион. 2001. С. 54–72].

По-видимому, именно советы подобного рода обращают внимание религиозных акторов на происходящее в миру и мире и заставляют истолковывать события мира как проявление Божьей воли.

Единственная проблема со знаками состоит в том, что они подлежат истолкованию. А как мы видели, самым надежным способом правильно их истолковать является помощь духовно более опытных людей, в первую очередь – представителей церкви.

5) Отказ от действия.

Это самая важная рекомендация – указание на то, что нужно делать, если не с кем посоветоваться и никаких видимых знаков нет.

Обращение к духовно более опытным людям реально оказывается одной из самых понятных и конкретных рекомендаций для действия

“Если встретится тебе, любезный читатель, что-либо безразличное [нейтральное], поступай следующим образом. Например, ты идешь и встречаешь двух просящих милостыню. Оба они в равной степени неимущие, и ты не можешь, почему-либо, дать милостыню им обоим поровну – дай и не поровну: кому больше, кому меньше – по желанию своему, ты не согрешишь против воли Божьей в этом своем неравенстве подаяния.

Если дело идет о выборе одного из таких [равных, безразличных] дел и совершенно не известно, как Богу угодно, чтобы то ли или же другое из них приведено было в исполнение, в таком случае остановись с исполнением до времени, не исполняя ни одного из них, пока не узнаешь каким-либо образом, хотя бы приблизительно, что твое предприятие и твой выбор непротивны воле Божьей” [Илиотропион. 2001. С. 54–72].

Как видим, в ситуации неопределенности автор Илиотропиона рекомендует воздержаться от действия. Это важный момент. К слову, Бакстер у Вебера, и тем более Франклин, такого совета дать не могли. Там, где И. Максимович пишет: “Будь готов всецело отдать себя в волю Божью и подожди со своим действием”, Бакстер и Франклин советуют: “Нужно верить, что предизбран и что максима твоей воли и есть выражение воли Бога, создавшего тебя, к вящей славе своей” (см.: [Вебер. 1990]).

Таким образом, мы видим, что в списке есть определенная направленность и она явно отличается от предписаний, которые выдавались протестантам Р. Бакстером (у М. Вебера). Место кальвиновского “предопределения” и лютеровско-бакстеровского “призвания” занимают категории совсем другой направленности. Очевидно, что следуя догмату (см., например, работу будущего первого патриарха РПЦ Сергия Страгородского о спасении в православии [Страгородский.

1898)), православный актер должен быть гораздо свободнее и активнее в деле своего спасения, нежели протестант, – так как его действие зависит не только от действий Бога и от Божьего изначального решения о нем, но и от собственных действий. Однако эта свобода на деле рискует обернуться либо растерянностью (см. выше *пример 3*) – поскольку не очень ясно, как толковать волю Бога, не предопределившего ничего однозначно, – либо отказом от собственно действия (см. *пример 1*) и по возможности максимальным вверением себя духовно более опытным людям.

Теперь перейдем к рассмотрению категорий – средств, которые выработались в русском православии для достижения осуществимого блага. Как нам кажется, русское православие нашло категорию, аналогичную веберовскому “призванию”. Это категория “послушания” и сцепленные с ней категории “смирения”, “благословения”.

Вопрос о конкретной форме человеческого действия, способствующего достижению принципиального блага. Категории “послушание” и “смирение”

Общее описание категорий послушания и смирения

Теперь нам надлежит установить ту конкретную форму человеческого действия, которая способствует достижению принципиального блага (спасения) в православии. При этом сосредоточимся на действии хозяйственном.

Если мы вернемся к веберовскому методу, используемому им в “Протестантской этике...”, то должны будем показать, как соотносится человеческая воля с волей Божьей и какими категориями описывается это соотношение. Поэтому рассмотрим внутримирскую операцию, которая обеспечивает в православии связь предельных ценностей и жизни внутри мира¹⁷.

Эту операцию практически невозможно увидеть неопиту, приехавшему в монастырь “посмотреть”, даже если он подготовлен церковной литературой. Рассудок отказывается ее воспринимать. Между тем, когда происходит “включение” в монастырскую жизнь, огромная часть православной жизни (и современной, и прошедшей) укладывается в описанную категорию и не сопротивляется ей. Более того, по итогам включенного наблюдения в монастырях РПЦ и последующего анализа православной литературы по общим вопросам представляется, что именно категория “послушания” и связанная с ней категория “смирения” дают понимание происходящего и позволяют осмыслить хозяйственные действия православных акторов.

Далее мы дадим общее описание категорий послушания и смирения, основываясь на текстах основателей православного монашества, а затем покажем способы бытования указанных категорий в хозяйственной практике на-

¹⁷ Помимо этого есть еще одна операция (или состояние жизни), претендующая на выполнение обозначенной функции. Это церковная служба вообще и литургия – в частности. Именно наличие этой операции (и ее отсутствие, например, в протестантизме) ведет к убеждению, что православному человеку не нужно искать другой формы связи с Богом (в том числе – посредством хозяйства), в силу чего хозяйственной этики православия как таковой не существует. Именно в этом смысл попыток сопоставить литургию и хозяйство. См. понятие теургии у С. Булгакова [Булгаков. 1994].

сельников монастыря и, наконец, подкрепим это описание интерпретацией, основанной на православной литературе общего характера (не посвященной только хозяйству).

Послушание

Категория послушания появляется в православной практике, по крайней мере с основателями первых монастырей, и составляет один из трех обетов – оснований православного монашества. Развернутое изъяснение этой категории содержится уже у основателей православного монашества (см. [Иоанн Лествичник. 1995. С. 32–70]. В современных уставах православных монастырей ее можно найти, например, в такой форме.

“Послушание состоит в постоянном добровольном смиренном подчинении себя воле другого с решительным отвержением собственной воли и собственного разума. Истинный послушник выполняет послушание именно так, как ему указано, ничего не опуская и не прибавляя. Дающий обет послушания утверждает на словах Священного Писания: “...аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возьмет крест свой и по Мне грядет” (Мф. 16, 24); “...аще кто хочет в вас вящий быть, да будет вам слуга” (Мф. 20, 26); “Им же несть управления, падают аки листвие, спасение же есть во мнозе совете” (Притч. 11, 14)” [Устав Свирского монастыря¹⁸].

Таким образом, изначально идея послушания просто описывает соотношение своей воли с волей Бога (или, что во многом то же самое, – соотношение дел и веры), с тем чтобы прийти к спасению.

Однако с какого-то момента точно так же, как это, по мнению Вебера, совершилось в протестантизме, данная категория соотношения воли получила свой референт внутри мира. Так или иначе, в монастырских уставах и в монастырской практике *послушание* и *труд* стали если не синонимами, то по крайней мере сопряженными понятиями. Ниже эта связь будет проиллюстрирована на материалах наблюдений. На данном же этапе для нас важно зафиксировать, что *категории труда, хозяйства, с одной стороны, и категории послушания и отречения от своей воли, с другой стороны, в монастырской практике и догматике монашества оказываются связанными*. Труд православного актора должен включать в себя отречение от собственной воли, следование норме послушания.

Приведем пример интерпретации смысла труда на основе связи между двумя указанными категориями, данной автору известным московским приходским священником.

“Автор: ...Мне кажется, что в православии труд, как самоценный, бессмыслен. И поэтому нет смысла его улучшать, повышать его эффективность, как-то развивать...”

О. Максим: Пожалуй, нет смысла...

Автор: Как же тогда быть? Ведь лучший результат приносит труд, который нравится, которому отдают всего себя, в котором поэтому

Категория послушания появляется в православной практике по крайней мере с основателями первых монастырей и составляет один из трех обетов – оснований православного монашества

¹⁸ <http://www.svirskoe.ru/ru/library/ustav/ustav.php>

стараятся совершенствоваться... Поэтому и работа выполняется лучше, качественнее, эффективнее... Как же быть, если следовать православию?

О. Максим: *Ничего подобного, лучше и качественнее выполняется не та работа, которая нравится, а та, которая выполняется за послушание, не по своей воле”.*

Смирение

Так же, как в протестантизме успех (в том числе и выраженный в денежной форме) стал показателем избранности¹⁹, так и в православии нашлись показатели послушания. Основным таким показателем является смирение. Смирение – это определенное состояние человека и человеческого духа, такое же, как успех у веберовских протестантов²⁰. Так же, как с помощью Beruf (профессии / призвания) достигается успех, с помощью послушания достигается смирение: “Послушание

есть совершенное отречение от своей души, действиями телесными показуемое... Послушание есть гроб собственной воли, воскресение смирения” [Лествица. 1995. С. 33].

Русский язык добавляет здесь сложностей, но и указывает на то, какого характера должна быть искомая категория. В немецком языке Beruf обозначает одновременно как профессию, так и призвание; как указание на отношение к Божьей воле, так и указание на внутримирскую операцию, обозначающую способ реализации указанного соотношения. В русском языке слово “послушание” одновременно

указывает и на отношение к Божьей воле, и на тип и способ действия. (Так, в монастыре эконома или игумена “раздают послушания”.)

В ходе включенного наблюдения до какого-то момента нам казалось, что понятия “смирение” и “послушание” относятся просто к специфической монастырской риторике, прикрывающей армейские методы обращения с насельниками монастыря и связанной не столько с православием, сколько с особенностями социальной ситуации в монастырях РПЦ (большое количество бывших заключенных, наркоманов и т. п.). Однако более длительное проживание в монастырях и включение в хозяйственную деятельность монастырских общин позволило предположить, что наличие в монастырях людей, “выпавших из общества” (что всегда было типично для православных монастырей), не является главной причиной бытования указанных категорий. По итогам наблюдения и последующего анализа православной литературы, относящейся к общим вопросам, мы можем с большой долей уверенности утверждать, что в православии действительно сформирован определенный этический комплекс, подходящий под понятие хозяйственной этики конфессии, и центральными категориями в нем выступают категории послушания и смирения. Кроме того, если обратиться к классическим текстам русского православия, посвященным мона-

¹⁹ Это так, если следовать веберовскому методу. Реально, ситуация, по-видимому, была не совсем такой. См. [Samuelson. 1964; Robertson. 1933; Trevor-Roper. 1967].

²⁰ Смирение легко фиксируется православными акторами по внешним проявлениям: начиная от позы и выражения лица и заканчивая отсутствием возражений на любые реплики, типовыми ответными действиями.

Изначально идея послушания просто описывает соотнесение своей воли с волей Бога (или, что во многом то же самое, – соотнесение дел и веры), с тем чтобы прийти к спасению

стырской дисциплине, то там описывается не только данная этика, но и конкретные приемы воздействия на человека, сходные с существующими сегодня в монастырских общинах РПЦ [Лествица. 1995. С. 42–43].

Далее будет показано, как именно эти категории “вплетаются” в хозяйственную деятельность религиозных акторов (на материале обследования монастырей РПЦ).

Бытование категорий “послушание” и “смирение” в хозяйственной практике православных акторов

Разумеется, деятельность православного актора “упорядочивается” не только категорией послушания. Однако по сравнению с ней иные категории имеют все же подчиненное значение, поэтому на них мы не будем останавливаться.

Предварительно еще раз сформулируем одно из основных положений. Оно состоит в том, что православные акторы не трудятся, не хозяйствуют, не работают, не занимаются той или иной деятельностью, – они *исполняют послушания*. Как абориген западной части Тихого океана не знал обмена и торговли, а знал “кула” [Малиновский. 2004], так и православный человек не знает хозяйства, а знает послушание. И все категории, используемые им в ответах на прямо поставленные вопросы о хозяйстве и труде, не актуализируются и, соответственно, не применяются им (или почти не применяются) в контексте практик, которые мы называем хозяйствованием. Православные акторы практически не видят хозяйства: оно вкрапляется в ткань их жизни в форме послушания наравне с другими типами деятельности.

Перейдем теперь к конкретным характеристикам категории “послушания”, которые нам удалось сформулировать по итогам анализа.

“Послушание” **фигурирует в распорядках дня**. Оно занимает значительную часть времени наряду с молитвой и значимо превосходит по времени еду и сон. Скажем также, что в монастырском распорядке дня, как правило, не присутствуют ни “работа”, ни “хозяйство”, ни “труд”. Например, вот как выглядит распорядок дня на сельников Свято-Знаменского монастыря (Тюмень):

- 06.00 – подъем.
- 06.30 – утренняя молитва, полунощница (в праздничные и воскресные дни: подъем – 7.00, утренняя молитва – 7.30), молебен перед иконой Абалацкой Божией Матери, часы, литургия (или изобразительные).
- 11.30 – обед.
- 12.00 – послушания.
- 15.30 – полдник.
- 16.30 – вечернее богослужение (вечерня, утренняя).
- 20.00 – ужин, вечерняя молитва; чтение иноческого правила (в архандарике), крестный ход вокруг монастыря.
- 23.00 – отбой. [Устав Свято-Знаменского монастыря (Тюмень)].

“Послушание” обозначает набор видов работ. Разные категории насельников монастыря выполняют разные типы работ. Более “черновая” хозяйственная работа ложится на трудников. Работа послушников может быть частично хозяйственной, но чаще (в современных условиях) она связана с храмом. Послушание священников и иеромонахов практически всегда связано с храмом, службами и требами.

“Послушание может быть разным. Чаще это какие-то сельскохозяйственные, строительные работы или работы по кухне. У священников и послушников – это часто послушания при храме, исполнение треб, поддержание его в чистоте и т. д. У трудников оно занимает около 12–13 часов ежедневно. Остальное – молитва” (из дневника автора).

“Чтобы дать некоторое представление о возможном времяпрепровождении в монастыре, скажу, что, например, однажды мне дали послушание – чистить рыбу. Рыбой оказался тридцатикилограммовый мешок омуля – которого я весь день и чистил, с семи утра и до семи вечера с перерывом на часовую обед. За это время один раз меня навещил эконоим монастыря. И мы поговорили минут двадцать о молитве, страхе и спасении. В принципе, так проходит жизнь всех трудников монастырей. Только часто работают не поодиночке и с другими получается общаться больше” (из дневника автора).

Послушания даются человеком, занимающим определенное положение.

В отношении хозяйства такую роль в монастыре, как правило, выполняет наместник или эконоим. Вообще же послушание дает духовно более опытный менее опытному (желательно, чтобы опыт был подкреплён саном.) При этом самостоятельное целеполагание православного актора не поощряется. В крайнем случае он должен реагировать на изменяющееся status quo и восстанавливать его. Развитие не приветствуется и считается бессмысленным.

“Мое трудовое общение с наместником началось с того, что когда я на третий день оклемался²¹ настолько, что отправился к нему за тем, чтобы меня куда-то определили, он не дал мне ничего сказать: «Ты еще не на послушании? Ты что сюда – харчевать приехал или душу спасать?! Только жрешь и спишь».

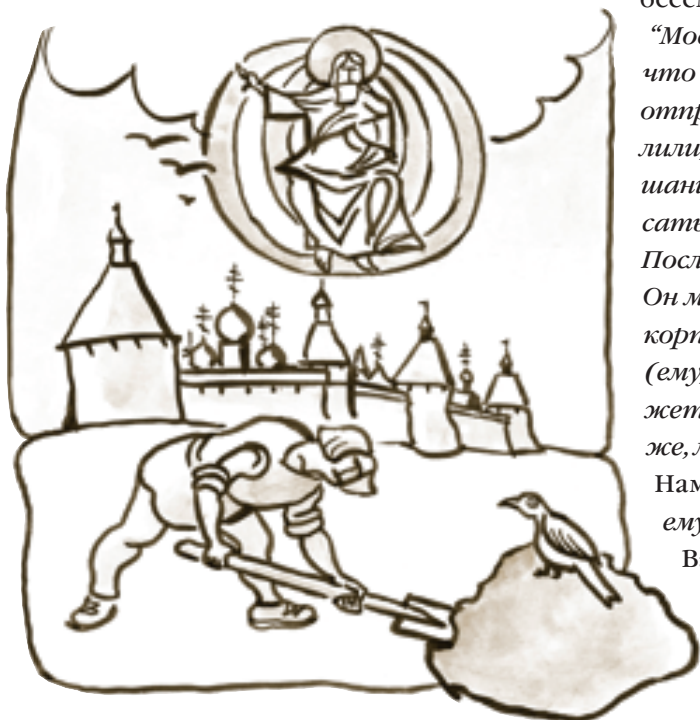
После этого меня отправили в распоряжение к Василию. Он мирянин; восстанавливает стену дома – братского корпуса. Он приходит в монастырь с сыном и работает (ему, похоже, тоже не платят). Вроде кроткий, но может и огрызнуться непонятно с чего. Вообще он, похоже, мастер на все руки.

Наместник: *Василий, вот тебе на послушание. Найди ему работу. Чем тебе помочь?*

Василий: *Да чем же? Я сам управляюсь.*

Наместник: *Все равно. Пусть хоть подметает.*

²¹ По дороге в монастырь я чем-то сильно отравился. Плюс акклиматизация. И полтора дня пролежал в лежку.

Василий: *Пусть. Метла в сарае. А потом разбери ту кучу у гаража... Мы работали с ним до обеда, практически ничего не говоря друг другу. Один раз только, когда я закончил делать то, что он мне сказал, и спросил, что сделать еще – он ответил: «Ну, Иван, сам посмотри. Ты делай так же, как будто это твой дом. Что недоделано – то делай. Видишь, там собака наскребла – подмети, видишь, отваливается – приделай. Так дело за дело – глядишь, день и прошел»* (из дневника автора).

Часто послушания наместникам монастыря и настоятелям храмов дает епископ, и реально они не имеют права его послушаться. Хотя канонически предусмотрен церковный суд, в действительности в современном русском православии он не работает, в том числе и из-за указанной этики “послушания – смирения”.

Послушание по своим целям, смыслу соотносится с молитвой и противостоит трапезе, сну, праздношатанию (или хотя бы не совпадает с ними). Послушание и молитва ведут к спасению. Сон и трапеза, при умеренном употреблении, спасению не противоречат. Праздное времяпрепровождение противоречит спасению, ибо время, не посвященное Богу, отдано греху и бесу. Цель состоит не в максимизации результата, а в правильном использовании времени.

“О. Антонию, духовнику монастыря, лет около 30. Сухой, жилистый, но крепкий. Катал, как все. Вообще я часто видел после утреннего правила, как он брал косу и (с одним блаженным) шел за монастырский огород «очищать территорию» и прокашивать дороги от змей. Как-то я спросил, чего он каждый день косит, это же почти никому не нужно. Он ответил, что без этого ему трудно – «молитва не идет», да и в Евангелии написано... все должны трудиться» (из дневника автора).

Послушания раздаются, назначаются, а не выбираются. Соответственно, оставить послушание по своей воле также нельзя. Оставляя его, человек идет против воли начальствующего, а значит, против Божьей воли. Это в свою очередь означает уход от собственного спасения.

“Утром, как правило, после завтрака или наместник монастыря, или эконом (реже кто-то другой) раздают братии «послушания». В этой ситуации послушание – это вид деятельности, которым должен заниматься тот, кому его назначают. Иногда, по приезде, новоприбывшего спрашивают, не имеет ли он каких-либо особых навыков, кто он по профессии и что умеет делать хорошо. В принципе можно высказать и свои пожелания – работать там-то и там-то, а здесь не работать. Желательно как-то объяснить свое пожелание. Но в целом всякого рода «хочу» в монастыре не приветствуется» (из дневника автора).

“Послушанием человек должен заниматься отведенное на него в распорядке дня время. Оставить его самовольно нельзя. Можно – после обращения к старшему по данному виду деятельности. Но реально – объясняться придется с теми же наместником или экономом. Приведу один пример. На Сахалине я, за послушание, белил внешнюю сторону здания. Пошел ливень. Я обратился к наместнику с просьбой переждать дождь. Наместник посмотрел на стену, сказал, что козырька хватает для того, чтобы побелка не смывалась, и оставить послушание не разрешил. При этом добавил: «бес тебя ленью – а ты его кистью, иди»” (из дневника автора).

Послушание может быть (или казаться исполняющему) глупым, бессмысленным, противоречащим нормальному ходу вещей. Оно может никак не содействовать благосостоянию монастыря или даже противоречить ему. Несмотря на все это, оно должно выполняться.

“Вечером, перед сном, был разговор. Один – Гена, лет 35, трудник, живой и веселый²², спрашивал другого: “Саня, чего ты щекатуришь (то есть иштукатуришь) сегодня начал? Не высохло же?”

Саня²³: *Сказали класть.*

Гена: *Так отвалится?*

Саня: *Ну что (развел руками)... Корнями вверх²⁴.*

Гена: *Ааа... А че дальше делать будешь?*

Саня: *Печку положу, а там – куда скажут”* (из дневника автора).

Послушание – это благо в первую очередь для работающего, а не для кого-то еще. Выполняющий послушание “работает Богу”, а не другому человеку или себе самому. Он также работает не на благосостояние монастыря или благо ближнего. Если предельно заострить формулу, он работает на собственное спасение. В подобных случаях благосостояние монастыря и благо ближнего – это богоугодные средства для движения к спасению. Мы имеем в виду, что все внешние результаты вторичны по отношению к движению к собственному спасению и их отсутствие не должно смущать, дезориентировать спасающегося.

“Сегодня на обеде о. Исаяя при всех отчитывал одну крепкую бабку. Ей было велено сходить на рыбзавод и попросить рыбы для монастыря. Она и сказала: я такая-то, Валентина, не поможете, может, есть какие остатки рыбы для монастыря. Наместник и взелся – что она попросила не от его имени, а от своего. Я был сильно удивлен: бабка что-то сделала, а благодарности никакой. Исаяя и со всеми так разговаривал, как будто не он им должен быть благодарен за то, что они бесплатно работают в монастыре, а они ему за то, что у них теперь есть место, где они могут душу спасти.

Он часто говорил мне, и другим, я слышал, что в монастыре потрудиться – Богу поработать. Что труд в монастыре, за который ты вроде ничего не получаешь, спасителен и богоугоден. Что ты очень много на самом деле получаешь – ты спасаешь собственную душу. А когда бабка вскинула в ответ на такое, наместник остановил ее и ответил достаточно жестко: “Смирения в тебе нет, делаешь все по своей воле; с виду благочестивые, а чуть ковырнуть – из тебя и полезет”” (из дневника автора).

Послушание – это внутренняя борьба с бесом (с ленью или чем-то еще). Основным средством спасения выступает смирение духа. Соответственно, препятствия для работы нужно “сносить”, переносить, а не избегать, предотвращать. Препятствия посылаются Богом для того, чтобы укрепить человека в деле спасения. Часто действия в подобной логике могут противоречить “разумному” ходу деятельности, направленному на результат.

“В Приморском крае моим послушанием было пасти монастырских коров. Как-то был дождь, и прекращаться не собирался. Через полчаса по-

²² Раньше он занимался “возвратом долгов” у разных бизнесменов.

²³ Саня – наркоман, приехал в монастырь на лечение. Ему около 40.

²⁴ Имеется в виду распространенное в православной среде: “Если сказали тебе сажать корнями вверх, так и сажай. За послушание – вырастет”.

сле начала работы я вымок и обратился к эконому монастыря с просьбой загнать коров в стойло и самому переждать дождь под крышей. На что мне было сказано: «Для них сейчас самое время – овода не мучают. Чево, у тебя одежды нет?» Я продолжил пасти» (из дневника автора).

Соответственно, результат работы становится неважен. Важно наличие процесса как «формы» для смирения.

«Несколько дней подряд я приставал к монастырскому эконому – Сергию²⁵ с вопросами о смысле хозяйства и прочими. Он долго от меня уходил, откладывая разговор. Но в последний день я припер его, и он не выдержал: «Иоанн! Что ты пристал, прости Господи. Неужели ты ничего не понимаешь?! Господи, помилуй! Какая экономика?! Это все сказка! Господь подает – вот и вся экономика. Мы живем на золотой жиле – в курортной зоне. Мы могли вообще никакого хозяйства не вести. Эти коровы, этот огород – это только в убыток. Мы занимаемся этим только для смирения» (из дневника автора).

Исходя из двух предыдущих пунктов, можно утверждать, что чем «хуже», чернее, грязнее, непрестижнее работа, тем она вернее способствует спасению. Средствами для более успешного спасения являются (1) дисциплина, иногда понимаемая по образцу армии или крестьянской семьи, и (2) оскорбления, недооценка результата и активности работавшего.

«Сегодня о. Исайя, целый день показывал мне Н-ск и его окрестности. После недельного пребывания в стенах монастыря это был первый выход на волю. Теперь я понимаю, почему монахи говорят о себе как о добровольных заключенных. Помимо прочего наместнику надо было купить краски для работ. Мы пошли в хозяйственный за краской. И я стал спрашивать у продащицы про то, какая есть краска. И он мне сказал: «Подожди». Я почувствовал, что лезу вперед старшего, и после недели монастыря мне стало совестно. Выйдя на улицу, я попросил у него прощения.

Исайя: За что?

Я: За то, что вперед полез.

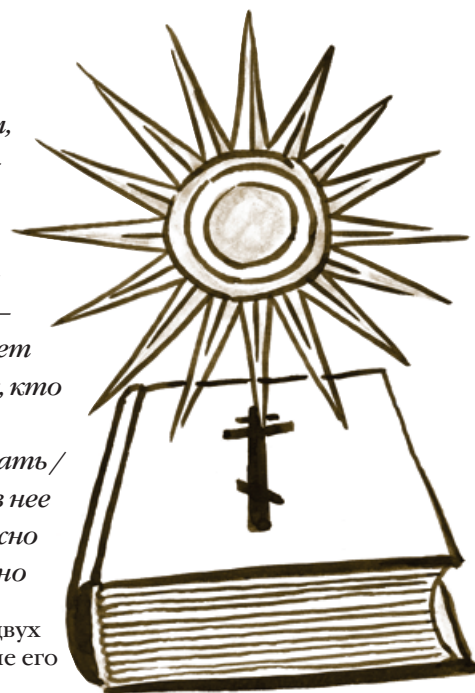
Исайя: Да ты что?

Тут я вообще перестал понимать что-либо и спросил его о том, почему он был сначала один, когда я приехал. Потом другой – злобно-строгий в монастыре. И теперь – опять как первый. Он ответил две вещи.

Исайя: (1) Это как на производстве, как в армии, плюс ситуация, обстоятельства разные. В монастыре – одно, за стенами – другое. В монастыре – как на производстве. Если директор делает ошибку, то страдает все производство. Я отвечаю за все и всех, кто на территории монастыря, в монастыре.

(2) Потом, ты приехал расслабленный – хочу / не хочу, могу встать / могу не встать – нужно было собраться. Дисциплина нужна, без нее ничего сделать нельзя. Дисциплина и любовь – вещи разные. Можно хотеть любить, но так и не суметь себя поднять и постоянно

²⁵ Сергей – бывший спецназовец, воевал в Афганистане. Ростом он выше двух метров, очень широк в плечах. Огромная косматая грива и борода. Местные его боятся и уважают. В поселке его называют «большой брат».

стоять в любви. Нужно найти простую физическую, грязную, тяжелую работу, чтобы дисциплинировала, смиряла и разгружала” (из дневника автора).

Результат работы достигается не человеком и по сути не зависит от человеческих усилий в практической плоскости, в реализации конкретной задачи. Результат дается Богом за послушание и зависит от человеческих действий на стезе “послушания – смирения”.

“Наместник остановил меня: «Твои вопросы – постепенно отвечу на них, по одному. Про смысл труда. Смысл труда – Марфа и Мария: без телесного невозможно духовное. Человек трудится в монастыре и постепенно понимает, что в миру он бы столько сделать не смог, – значит, тебе Бог помогает. Потом это переносится на духовную жизнь – будешь знать, что без Бога ты ничего сделать не можешь. В этом смысл труда и хозяйства. Все. Теперь на стройку»” (из дневника автора). ■

(Окончание следует)

Литература

- Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв. М., 1966.
- Булгаков С.Н. Свет невечерний: созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994.
- Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М.: Наука, 1977.
- преп. Иоанн Лествичник. Лествица. СПб., 1995.
- свт. Иоанн Максимович. Илиотропион. М.: Благовест, 2001.
- Каарийайнен К., Фурман Д. Религиозность в России в 90-е годы // Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России / под ред. К. Каарийайнена и Д. Фурмана. СПб.; М.: Летний сад, 2000.
- Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М.: Мысль, 1993.
- Епископ Макарий (Булгаков). Православно-догматическое богословие. Т. I–II. СПб.: Типогр. Григория Трусова, 1857.
- Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004.
- Милютин В. О недвижимых имуществах духовенства в России. СПб., 1862.
- Носова Г.А. Язычество в православии. М.: Наука, 1975.
- Ростиславов Д.И. О православном белом и черном духовенстве в России. Лейпциг: Franz Wagner, 1866.
- Савич А.А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. Пермь, 1927.
- Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. I / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.: Логос, 2004.
- Mackinnon M. Calvinism and the infallible assurance of grace // the British Journal of Sociology, Vol. XXXIX, 1988 № 2. P. 143-177.
- Mackinnon M. Weber's exploration of Calvinism // the British Journal of Sociology, Vol. XXXIX, 1988 № 2. P. 178-210.
- Robertson H.M. Aspects of the Rise of Economic Individualism: A Criticism of Max Weber and his School. N.Y., 1933.
- Samuelson K. 1964. Religion and Economic Action. A Critique of Max Weber. / Translated from the Swedish by E.G. French. Ed. and with Introduction by D.C. Coleman. New York – Evanston. Harper & Row.
- Trevor-Roper H.R. 1967. Religion, Reformation and Social Change. – Trevor-Roper H.R. Religion, Reformation and Social Change. London. P. 8-45.